

Ташансу Тюркер²**ИСТОРИЯ НАЦИИ: ВЛИЯНИЕ ЗАПАДА
НА РОССИЙСКУЮ И ТУРЕЦКУЮ ИМПЕРИИ**

Цель этого доклада состоит в сравнении представлений об империи и нации в Турции и России в период с начала XIX до начала XX века, когда восприятие этих понятий формировалось новой политикой. Таким образом, могут быть сделаны определенные выводы касательно современного самовосприятия и проблем демократии обеих стран с их отличительными особенностями.

С начала XIX века Османская империя вступила в эпоху упадка, и представители интеллигенции, наряду с правящей государством элитой, хорошо осознали сложившуюся ситуацию. Осознание процесса падения империи спровоцировало несколько попыток важных реформ, которые не были связаны с модернизацией или вестернизацией, а, напротив, предпринимались с целью борьбы с Западом, а также для защиты государства и сохранения статус-кво. Известно, что такое положение дел сохранялось почти до конца XIX столетия с одним-единственным изменением: произошло осознание не только технического, но и глобального превосходства Запада, что привело к более значительным реформам с начала XIX века. Следует отметить, что истинная цель этих реформ заключалась в защите государства.

Именно в такой обстановке и проводились реформы. Вполне естественным было то, что первоначально они были ориентированы не на всеохватывающую вестернизацию, а на нужды империи и вынужденную борьбу с кризисом в ней. Лишь в период правления султанов Селима III и Махмуда II область дей-

ствий реформ начала расширяться, а затем изменилась и их направленность. Длительный процесс преобразований, известный сегодня как вестернизация, начался немного позднее. Несмотря на то что начался он с коренных изменений в государственном и общественном строе империи, большое влияние на общество оказало формирование интеллектуальной элиты, способной понять западную культуру. Основание «Терджюме Одасы» (дословно Палата переводчиков) в 1821 году является поворотным моментом, так как поколение молодых людей, занимающихся в переводческом центре, глубоко осваивало не только иностранные языки, но и западную культуру. Процесс реформирования начался по большей мере благодаря османской интеллигенции.

Связь между реформами и понятиями «империя» и «нация» прослеживается в процессе национального пробуждения. Первоначально оно являлось движением, спровоцированным представителями христианской общины, а позднее было выявлено у мусульман нетурецкого происхождения. Турки-османы были озабочены главным образом идеей о спасении империи. Понятие национализма не существовало в традиционной структуре этого государства, которое основывалось на системе миллетов с религиозными группами, владеющими разными языками и отличающимися этническим происхождением. Каждая община существовала автономно при условии сохранения лояльности по отношению к центральной власти империи. На протяжении XIX века развитие национального мышления происходило быстрыми темпами, что в конце концов привело к распаду Османской державы. В такой ситуации главной заботой османских интеллектуалов стал поиск альтернативы идеям национализма, так как увлечение ими препятствовало достижению основной цели по спасению государства. Представители османской интеллигенции не только смогли утвердить идею

² Директор Исследовательского центра по изучению Евразии, России и Восточной Европы, адъюнкт-профессор, доктор факультета политологии в Университете Анкары (Турция). Сфера научных интересов: история Османской и Российской империй, современная иностранная политика России и Турции. Автор научных публикаций по истории Османской и Российской империй и вопросам современной международной политики.

логию тюркизма, но и стали в ряды сторонников имперского порядка, чтобы противостоять национальной идентификации.

При изучении западных и противостоящих им концепций нетрудно заметить, что для османской интеллигенции систематическое развитие соответствующего антизападного идеала было запоздалым и слабым по той причине, что концепция вестернизации стала ослабевать, и скептическое представление о западничестве, присущее многим основоположникам реформ, препятствовало разработке альтернативного подхода и в какой-то степени ослабляло его. Тем не менее сама обстановка вынуждала искать возможности сочетания западных ценностей с традиционными нормами и способствовала развитию идей, защищающих империю.

Значимость идеологии османства при таких обстоятельствах увеличивалась. Смешение западных понятий «родина» и «патриотизм» с традиционными представлениями о верности и справедливости должно было оправдать попытку создания единой османской нации. Неудачу этой попытки нельзя объяснить поверхностным подходом к такому начинанию. Вполне понятно, что при выборе такой политики сила государства играет решающую роль, однако в XIX веке Османская империя уже не владела такой силой.

Эпоха реформ Танзимата была наиважнейшей в османстве. Представления о роли правителя и верности султану — ключевые понятия в традициях империи — были уменьшены бюрократической элитой; понятие «верность» было заменено понятием «родина». Согласно идеологии «новых османов» само понятие «родина» должно было дополняться понятием «равные права и свободы граждан». Несмотря на то что предположение об участии государства во всех уровнях управления на первый взгляд могло показаться несерьезным, в дальнейшем оно обеспечило устойчивость империи.

Следующий вклад идеологии «новых османов» состоял в упомянутом альтернативном подходе к Западу. Первое систематическое изложение было связано с «Ислахат ферманы» (Декрет о реформах, 1856) как свидетельством вмешательства Запада. Однако суть оппозиционности определялась скорее требованием сопротивления вмешательству, которое в рамках понятия «патриотизм» можно было бы интерпретировать как требование сохранения независимости государства. Именно здесь концепция османства дала трещину. В связи с этим немусульманские элементы считались проводниками влияния Запада. Именно из-за внешнего вмешательства в первом внутреннем конфликте концепция османства понесла урон. В результате численность немусульманских элементов в империи уменьшилась, а последователи имперской идеи стали относиться к исламу как к новому критерию идентификации. Данная идеология, представленная как панисламизм, должна рассматриваться как специфический вариант западной идеологии. Теряя свое значение как религия и трансформируясь в показатель идентификации, ислам мог способствовать утверждению влияния идей Запада.

Концепция панисламизма не столько оспаривала идеологию османства, сколько поддерживала его. Идея спасения государства приобрела новую форму заботы о том, что осталось позади, и, с одной стороны, необходимо было учитывать принцип исламской идентификации, а с другой — постараться не оттолкнуть немусульманские элементы. При своей утопичности исламская идентификация считалась альтернативой национализму. Исходя из предположения о том, что подчеркивание различий противоречит постулатам ислама, она призывала к единению всех мусульман. Возрастает значимость идеологии тюркизма во время развития националистических настроений среди арабов, особенно среди албанцев.

Само понятие «тюркизм» появилось в Османской империи явно после обретения каждой этнической группой своего национального сознания и впервые стало использоваться в XX веке. Оставаясь частью исламства, данная идеология не была точно сформулирована ни в период Балканских войн, ни в период Первой мировой войны. Как и в исламстве, начальная часть «пан» термина «панисламизм» не означала действительно иного его значения. Внутреннее отражение этого понятия выявилось после создания Турецкой Республики при систематическом сравнении с термином «вестернизация». Тюркизм и западничество выступали как разные формы современного национализма. В связи с этим отказ от начальной части «пан» способствовал утверждению представления о независимой турецкой нации среди других современных наций. Идеология тюркизма продолжала придерживаться принципа «гражданской общности» в противовес принципу «гражданской особенности» (основная черта национализма). В этом смысле современная Турецкая Республика и курс кемализма являются смешением двух понятий «родина» и «нация». Организация государства и общества на основе этой модели показывает, что сторонники тюркизма придерживались прозападной позиции, однако опасались диктата со стороны Запада. Кроме того, они понимали необходимость вестернизации, но хотели сделать акцент на роль турецкой нации и опирались на принцип гражданства.

При изучении ситуации в России первое важное отличие от Османской империи состоит в постоянном преумножении могущества государства. К усилению российской державы привело освоение западного опыта в ходе реформ Петра I. В течение XIX века без участия России невозможно было решить ни одного вопроса, связанного с Европой. И снова сравнивая с ситуацией в Османской империи, Россия укрепила центральную власть и устранила противников самодержавия. Помимо экономического роста, в это время также наблюдался значительный прогресс в сфере просвещения и культуры. Развитие дворянской элиты происходило посредством создания научных и образовательных учреждений, что значительно повысило потенциал государства.

Для предмета настоящего исследования важно выделить первую черту, свойственную интеллектуалу в великой России и заключающуюся в уверенности в своих силах. В то время как османская интеллиген-

ция занималась поисками способов по спасению империи, представители российской интеллигенции могли обратиться к решению более широкого круга проблем. Другая особенность российского интеллектуала была связана с его происхождением. В Османском государстве интеллигент был выходцем из бюрократической среды, в России же в большинстве случаев он имел дворянское происхождение. Рассмотрение вышеупомянутых реформ Петра I, и особенно их кульминации в период правления Екатерины II, позволяет увидеть еще одну важную особенность. Она заключается в том, что реформы в России начали осуществлять твердо и решительно, в отличие от непоследовательной и нерешительной модернизации в Османской империи.

С начала XIX века ситуация в России охарактеризовалась системной и глубокой оппозицией Западу, чего прежде не происходило в Османской империи. Антизападное отношение в России было выражено в постановке вопроса: «Кто мы против Европы?» и отразилось в появлении русской идентификации. Она отражала сущность явления, которое может быть названо «ранним консерватизмом».

С другой стороны, в этот же период появляется «ранний либерализм», сформировавшийся в 1825 году по стопам движения декабристов, в основе которого лежала концепция, поддерживавшая процесс вестернизации России и выступившая за создание новой системы общественных отношений и западных ценностей. Необходимо принять к сведению, что использование разработанных на Западе понятий «родина» и «патриотизм» предполагает также и обращение к теме политической борьбы. Проведен анализ, как сопутствующие современному понятию «родина» политические требования относительно ограничения самодержавной власти становятся постоянными положениями политики.

Верным будет утверждение, что эта концепция схожа с идеологией османизма, так как на основе разбираемого понятия выстраиваются в обеих странах как заимствованная на Западе модель организации власти, так и курс на объединение всего населения. В России такой либерализм пришел в полное противоречие с негативным восприятием Западом. Основные свидетельства этому обнаружались в ходе дискуссий 1840-х годов. Эти дискуссии, известные как спор западников и славянофилов, привели к тому, что западники выдвинули свои положения раннего либерализма, однако приверженцы раннего консерватизма сделали шаг вперед в определении русской идентичности, и именно эта концепция стала более последовательной — в ней русская идентичность представлена как переходная от национальной идентичности к цивилизованной. Если постараться передать более полное определение, то эта концепция выступает как вид национального самовосприятия, которое отрицает понятие каких-либо границ и включает имперские элементы. Другая особенность, присущая этой концепции, позволяет понять, что она предполагает аполитичность, а не выступления против абсолютизма.

Изменение указанной позиции вылилось в потерю веры русских просвещенных аристократов в Европу.

Это разочарование, четко проявившееся у Герцена, нашло свое выражение в идее о необходимости придать политический характер русской идентичности. Как раз именно то, что западник пришел к выводу о несостоятельности западной точки зрения, значительно увеличило веру и убеждение в противостоящую западному миру русскую идентичность.

Политизация подобных убеждений реализовалась благодаря Данилевскому, который переосмыслил понятие панславизма в России и объединил немецкую философию с революционализмом французов. В своих соображениях, высказанных в труде «Россия и Европа», он, предвосхищая Шпенглера и Тойнби, обосновал понятие цивилизации и сформулировал тезис о превосходстве славянорусской цивилизации над западной. В рамках этого союза в качестве центра следует поставить русскую общность как самую мощную силу данной цивилизации, хотя это положение касается союза славян. В связи с этим следует отметить, что из членов названного союза равноправных братьев именно Россия призвана в качестве старшего брата или даже отца создать подобный союз и политически преобразовать мир в новую высшую цивилизацию. Именно противостояние Западу является основным мотивом в рассуждениях автора, а концепт о границе не обозначается в дискуссии. Согласно данной концепции, большое количество людей, живущих за пределами России, тоже были ее частью, и все они были способны это доказать.

Во времена правления Александра III ввиду некоторых волнений эта политика перестала быть агрессивной, и внимание властей было обращено на внутреннюю ситуацию в государстве. Несмотря на сохранение прежней тройственной формулы «православие, самодержавие и народность», являющейся смыслом официальной идеологии в начале столетия, одновременно резко активизировался курс на русификацию. В эпоху подъема национализма традиционной идеологии тройственной формулы было очень тяжело удерживать империю от распада.

В политике и обществе ориентация на понятие «родина» сохранялась, а также в качестве основной уже была принята идея, что Россия отличается от Запада, и это отличие всеми разделялось. Это означает, что была подорвана сила всех тех, кто защищал понятие «родина» западными средствами. Распространялись и другие идеи, как правило, делавшие упор на русскую идентичность.

Отдельного внимания заслуживает позиция, представленная одним из последних защитников имперского политического мышления — К. Н. Леонтьевым, представителем имперского космополитизма, основанного на традициях Византии и Рима. По его мнению, необходима была альтернатива для противостояния Западу, и ею могла быть византийская модель. Поддерживая идею славянского союза, Леонтьев выступал не за сам союз, а за новую систему, которая не была бы в своей основе западной. Леонтьев полагал, что славян не за что любить, разве что за новую незападническую систему. Цивилизационная полемика повлияла на всех русских интеллектуалов, даже анархистов.

Один из них — Бакунин — полагал, что социализм может быть построен общинами, которые не развращены западной цивилизацией.

В дальнейшем при всех спорах все же сохранялась тенденция к превращению Российской империи в Русскую державу (территориальное расположение — этническое обозначение / российский — русский). Однако с ней покончил ленинизм, проводивший политику, в основе которой лежало понятие «родина», и выдвинувший проект союза наций на базе еще более высокого, классового понимания общности в виде пролетарского интернационализма. Эта идеология основывалась на праве наций на самоопределение в форме отдельных государств. Тем не менее в ней на первый план вместо понятия «нация» вновь было выдвинуто понятие «родина». Спустя столетие реализовался замысел инициаторов движения декабристов, которые в начале XIX века добивались его осуществления в рамках «раннего либерализма». Начался период, отмеченный тесной связью понятий «гражданство» и «социализм» и ведущей ролью Коммунистической партии.

При сравнении двух стран в качестве ключевых слов, определявших противостояние двух начал, выступали: традиционная империя, модернизм, родина, реакция против реформ, нация. Хотя обе державы, каждая по-своему, представляли традиционную империю,

но в начале XIX века они уже различались по уровню политического могущества. В то время как Османской империи, раньше пережившей свой классический период, модернизация была навязана, Россия в процессе модернизации стала подлинной империей. Этот процесс Османская империя пережила в очень облегченной форме, Россия — в очень жесткой. Из-за этого антизападные настроения в Османском государстве были столь же слабыми, сколь в России они были сильными. В подобных условиях османский духовный мир еще был полон чувства имперского превосходства, в России же очень рано зародилось национальное сознание. У османов на первом плане был имперский статус, в России упор делался на «русскую идею». С распадом Османской державы на этом географическом пространстве утвердилась западная модель государственной организации, а в России противостояние Западу только усилилось, потребовав выработки альтернативной модели.

Если обратиться к нынешним временам, то и в России, и в Турции дискуссии о «родине» и «нации» до сих пор актуальны. Со временем раскроется, какое из этих понятий займет ведущее место в обеих странах при влиянии культуры вестернизации, демократии и отношений с Западом, а также исторических событий этих стран.